

DOI: 10.18721/JHSS.11203
УДК 172.4

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Д.А. Аникин¹, А.А. Линченко²

¹ Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Российская Федерация;

² Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация

Проведен анализ государственных праздников, их структурно-функциональных характеристик в современном российском обществе. Для любого государства свойственна трансформация мемориальной культуры, что проявляется как в изменении самой системы памятных дат, так и в символическом перекодировании их содержания. Методология исследования представляет собой синтез акторно-сетевого, праксиологического и системного подходов. Акторно-сетевой подход акцентирует внимание на празднике как совокупности действий и интересов различных акторов, что позволяет поставить вопрос об уникальной совокупности факторов, приводящих к возникновению и закреплению памятной даты. Праксиологический подход вносит аспект динамизма в рассмотрение государственных праздников, изучая их взаимосвязь с повседневными культурными практиками, также выявляя обратное влияние практик на трансформацию символических значений. Системный подход позволяет обеспечить комплексное восприятие различных элементов коммеморативных практик с целью их социально-философского осмысления. На примере трех государственных праздников – Дня Победы, Дня России и Дня народного единства – проанализированы структурно-функциональные и культурно-семиотические аспекты вписывания данных памятных дат в символический ландшафт современного российского общества. Сформирована методология исследования праздников и символических дат на основании анализа политической востребованности, общественного восприятия и праксиологического компонента. С данной точки зрения можно констатировать рассогласованность системы государственных праздников в современной России, что обусловлено следующими причинами: трансформацией символического значения памятных дат в контексте изменяющихся взаимоотношений политических акторов, ситуативностью возникновения праздников в качестве элементов государственной политики памяти, непроработанностью праксиологических оснований.

Ключевые слова: память, коммеморативная практика, символическое пространство, праздник, Россия.

Ссылка при цитировании: Аникин Д.А., Линченко А.А. Памятные даты в символическом пространстве современной России: государственные стратегии и культурные практики // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 2. С. 30–43. DOI: 10.18721/JHSS.11203

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

COMMEMORATIVE EVENTS IN THE SYMBOLIC SPACE OF MODERN RUSSIA: STATE STRATEGIES AND CULTURAL PRACTICES

D.A. Anikin¹, A.A. Linchenko²

¹Saratov State University, Saratov, Russian Federation;

²Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

The purpose of the article was to analyze public holidays, their structural and functional characteristics in modern Russian society. The authors noted that for any state the transformation of memorial culture is inherent. This is manifested both in a change in the system of memorable dates and in the symbolic recoding of their content. The research methodology was a synthesis of the actor-network, praxeological and systemic approaches. The actor-network approach focuses on the holiday as a set of actions and interests of various actors, which allows us to raise the question of a unique set of factors leading to the emergence and consolidation of a memorable date. The praxeological approach has introduced an aspect of dynamism into the consideration of public holidays, examining their relationship with everyday cultural practices, also revealing the inverse effect of practices on the transformation of symbolic meanings. The systematic approach allowed for a comprehensive perception of the various elements of commemorative practices with a view to their social and philosophical reflection. Based on three public holidays the authors have analyzed the structural-functional and cultural-semiotic aspects of the inclusion of these memorable dates in the symbolic landscape of modern Russian society. The author's contribution is seen in the formation of a methodology for the study of holidays and symbolic dates based on an analysis of political relevance, public perception and the praxeological component. From this point of view, one can state the inconsistency of the system of public holidays in modern Russia, which is due to the following reasons: the transformation of the symbolic meaning of memorable dates in the context of changing relationships of political actors, the situational nature of holidays as elements of the state memory policy, and the lack of elaboration of praxeological grounds.

Keywords: memory, commemoration, symbolic space, holiday, Russia.

Citation: D.A. Anikin, A.A. Linchenko, Commemorative events in the symbolic space of modern Russia: state strategies and cultural practices, *Society. Communication. Education*, 11 (2) (2020) 30–43. DOI: 10.18721/JHSS.11203

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Постановка проблемы

14 апреля 2020 года Государственная Дума России приняла закон об изменениях в списке Дней воинской славы и памятных дат. На этот раз выбор пал на 3 сентября, который был назван «Днем окончания Второй мировой войны». Казалось бы, одна памятная дата (2 сентября) утрачивает свое общественное значение, а на смену ей приходит еще один День воинской славы. Перемена символического значения дат – явление в современной России далеко не новое. Здесь можно вспомнить о смене общественного значения Дня Конституции, появлении новых праздничных дат силовых служб и ведомств, а также об отмене старых и появлении новых государственных праздников (День народного единства). Происходящие изменения в символической политике свидетельствуют о наличии трансформационных процессов в самой праздничной культуре России, так и не прекращающихся в течение уже почти трех десятилетий существования молодого государства. Современные исследователи характеризуют сложившуюся ситуацию как «кризис праздничности» [1–4]. Как правило, данный кризис связывается как с неоднородностью российской идентичности, так и с незавершенностью процессов формирования российской гражданской нации.

Вместе с тем, было бы ошибкой представлять российский случай как уникальный. Как показано в [5], процессы изменения смысла и содержания символических дат и национальных праздников являются естественным процессом конструирования социальных общностей, где традиции изобретаются, забываются или даже просто отменяются в силу культурных или политических причин. Авторы книги склонны интерпретировать национальные праздники как «нестабильные символы» (*unstable signifiers*), поскольку по сравнению с другими национальными символами праздники, во-первых, «циклически и случаются только раз в год». Во-вторых, «несмотря на то, что праздники вносят в нашу жизнь 24-часовую «паузу», люди могут сознательно их игнорировать, не воспринимая как «нечто особенное». А, в-третьих, «их смысл со временем может измениться» [5, с. 17]. На примере целого ряда зарубежных стран авторы стремятся по-

казать, что, по-видимому, не существует ни одного государства, где национальный календарь праздников разделялся бы одинаково всеми членами общества и не требовал каких-либо дополнений или изменений. Указывая на факт отражения текущей общественно-политической ситуации в праздничной культуре, авторы не дают уверенного ответа на вопрос о том, каким должен быть современный государственный праздник, чтобы он вызывал доверие не только коренного населения, но и сообществ мигрантов, ставших важной частью принимающих обществ на Западе в последние десятилетия.

При этом существенным вопросом в рамках изучения мемориальной культуры является выяснение не только политических причин появления новой коммеморативной даты, но и алгоритмов ее закрепления в политической культуре населения и в социальных практиках.

Методология исследования

Проблемы памятных дат, национальных дней и общественных коммемораций давно находятся в фокусе не только исследований памяти (*memory studies*), но и исследований культуры (*cultural studies*), привлекают внимание политологов, социологов и историков. Это связано с тем, что современное понимание национальных праздников, коммеморации памятных дат и национальных дней рассматривает их в качестве важного символического ресурса общества и его трансформации. При этом большинство работ посвящены исследованиям отдельных национальных дней и их ритуалов в разных странах мира. Характерно, что ведущую роль в данных исследованиях продолжает играть методология критического дискурс-анализа. В этой связи можно указать на работы Р. Уайта [6], А. Адамчука [7], Б. Блэра [8], Г. Ариэле [9]. Не потерял своей актуальности в последние годы и конструктивистский подход, нашедший отражение в недавних теоретических исследованиях национальных и транснациональных коммемораций [10, 11]. Не меньший интерес вызывает исследование национальных дней и памятных дат в аспекте их восприятия мигрантами [12, 13], в свете туризма [14], а также исследования спонтанных мемориалов [15].

Авторы данной статьи опирались на конструктивистский подход, предполагающий, что восприятие прошлого, отбор значимых свидетельств о нем и способы их конфигурации предопределяются и формируются социально-культурными контекстами и практиками памяти и забвения. Иначе говоря, содержание памяти и формы его организации будут обуславливаться характером задач, которые видятся приоритетными в культуре и в зависимости от способов деятельности. Они же будут детерминировать и способы использования прошлого для достижения тех или иных целей. Более того, наличие этой корреляции может забываться и восприниматься как некоторое естественное и само собой разумеющееся положение дел. Важное значение для нас также имеют положения акторно-сетевой теории и системного подхода. Акторно-сетевая теория, представленная работами Б. Латура, Д. Ло и Д. Урри, позволяет рассматривать конкретную памятную дату как результат диахронического взаимодействия различных акторов, деятельность которых может определяться самими различными факторами: от политических интересов властвующих элит и индивидуальных предпочтений лидеров до учета уже существующих культурных традиций и распределенности праздников на протяжении календарного года. Каждый праздник представляет собой узел символической сети, сплетаемой отсылками к прошлому, но и точно также и учетом сиюминутных политических интересов, что делает необходимым комплексное рассмотрение нескольких уровней функционирования символических дат: политическая ангажированность, общественное восприятие и праксиологическая наполненность. Именно поэтому анализ праздничных дат в качестве значимых элементов коммеморативного пространства должен опираться на выявление данных уровней и рассмотрение взаимосвязей между ними.

Использование системного подхода позволит нам взглянуть на процесс конструирования праздника как на систему отношений, возникающую между важнейшими составными элемен-

тами праздника. Цель нашей статьи – выявление особенностей системной целостности ряда важнейших российских государственных праздников и анализ наиболее продуктивных способов дальнейшего их конструирования для преодоления кризиса праздничной культуры в современной России. В связи с этим мы опирались не только на результаты социологических исследований последних лет¹ [16], работы политологов [17–19], культурологов [20, 21], психологов [22], но и на наши собственные исследования коммеморативного пространства России и её политики памяти [23–26].

Одним из лучших определений праздника, данных в рамках конструктивистской методологии, является определение Пьера Бурдьё, который интерпретировал праздник как набор устойчивых ритуализированных социальных и политических практик, призванных обеспечивать «консенсус людей по поводу смысла социального мира» [27, с. 92]. Следует упомянуть еще одно важное значение праздников, отмеченное М.М. Бахтиным. Он писал: «Никакое упражнение в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая игра в труд и никакой отдых для передышки в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной формы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» [28, с. 13–14].

Современные отечественные исследователи, анализируя методологические основания интерпретации смысла и значения государственного праздника, указывали на такие характерные признаки государственных праздников, как особая темпоральность, ритуальность, карнавальность (зрелищность) и сакральность [1, с. 67–68]. В дальнейшем это поможет нам проанализировать ряд современных российских государственных праздников с точки зрения их системности. Не менее важным для нашего эмпирического анализа является конструктивистский тезис о важной роли как политики памяти, так и мифологизации массового сознания в процессе «изобретения» праздника и его трансляции в культуре.

В нашем понимании, системность праздника как события памяти связана как с его включенностью в пространство коллективных воспоминаний и культуру времени (внешний аспект), так и с согласованностью тех элементов, которые составляют само бытие праздника (внутренний аспект). Именно в рамках этих двух аспектов мы и развернули наше исследование трех государственных праздников, имеющих или предполагающих важное символическое значение: Дня Победы (9 мая), Дня России (12 июня), Дня народного единства (4 ноября). Выбор данных праздников обусловлен тем, что каждый из них имеет определенную мемориальную этиологию, каждый отсылает к конкретной хронологической точке в пространстве исторической памяти, но совмещение этих точек в пределах одной системы координат приводит к своеобразным символическим эффектам, которые вряд ли могли быть предугаданы инициаторами их установления в качестве государственных праздников.

Результаты исследования

Говоря о внешнем аспекте трансформации смысла и значения избранных нами праздников можно было бы в очередной раз высказать тезис о неоднородности российской идентичности, равно как и незавершенности процессов формирования российской гражданской нации. Однако более продуктивно обратить внимание на промежуточные звенья между идентичностью российской нации и кризисом праздничной культуры в России. С нашей точки зрения, такими звеньями являются, во-первых, перманентная трансформация символического пространства

¹ Левада-центр. Важные праздники. 20.02.2014 // URL: <https://www.levada.ru/2014/02/20/vazhnye-prazdniki/>; Левада-центр. День Победы. 30.04.2019 // URL: <https://www.levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/>; Левада-центр. День России. 09.06.2018 // URL: <https://www.levada.ru/2018/06/09/den-rossii-8/>

России, а, во-вторых, рассогласование синхронических и диахронических аспектов мемориальной культуры. Вместе они составляют символическое пространство и время бытия праздничной культуры.

Многолетние опросы ВЦИОМ дают основания исследователям утверждать о постепенном росте неоконсервативных представлений простых россиян, что находит выражение в таких явлениях, как усилившийся за последние двадцать лет общественный запрос на сильную власть, ориентация населения на идеалы социальной справедливости, воплощенные в определенной ностальгии по советской эпохе в оценках всех поколений (и прежде всего эпохам Брежнева и Сталина) [16, с. 161]. Сохраняет свое значение и тезис об антимобилизационном характере ценностей россиян и их уходе в сферу локальных интересов и партикулярных версий исторической памяти, ориентированных на семью и локальную социальную группу [23, с. 125]. На это указывает в том числе и популярность акции «Бессмертный полк», первоначально возникшей как стихийная и региональная коммеморативная практика, а в дальнейшем уже получившая официальный статус. Исторические интересы современных россиян, как и советских граждан в конце 80-х гг. XX века, во многом направлены на эпохи Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Великой Отечественной войны [25, с. 92]. Ключевым историческим событием, выступающим мощнейшим и наиболее положительным символом идентификации в историческом сознании россиян, продолжает оставаться Великая Отечественная война. Вместе с тем важный статус данного события сохраняется на фоне локализации и регионализации культурной памяти в стране [29, с. 63–64].

Однако кризис праздничной культуры может быть интерпретирован и в контексте противоречий трансформации культуры времени в постсоветский период. Мысль о том, что каждая культура порождает свою форму осмысления и описания времени не нова. Наиболее ярко ее выразили Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, которые указывали на то, что «память же культуры строится не только как склад текстов, но и как определенный механизм порождения. Культура, соединенная с прошлым памятью, порождает не только свое будущее, но и свое прошлое, в этом смысле представляя механизм противодействия естественному времени» [30, с. 30]. Исследователи подчеркивают, что «равенство во времени не может сводиться к простой физической одновременности естественного закона» [31, с. 147]. В этой связи Б. Бевернаж приводит слова известного мыслителя Л. Альтюссера, который отмечал, что «нельзя больше полагать, что процесс развития разных уровней целого происходит в одном и том же историческом времени. У каждого из этих разных уровней имеется свой собственный тип исторического существования. Мы должны придать каждому уровню особое время, относительно автономное и, следовательно, относительно независимое, даже в своей зависимости, от “времен” других уровней» [32, с. 193].

Специфика постсоветской России и ее культуры времени связана, с одной стороны, с сохранением влияния элементов советской эпохи и памяти о ней, а, с другой стороны, с серией неудачных попыток представителей политической элиты 1990-х и 2000-х гг. заменить ее на новую культурную модель времени [33, с. 229]. Это привело к смешению различных темпоральностей, что и находит до сих пор отражение в известной пестроте праздничного календаря россиян. Речь идет о влиянии дореволюционной культуры времени, проявляющейся в первую очередь в религиозных и языческих праздниках (Рождество, Пасха, Крещение, Масленица). Речь также может идти об элементах советской культуры времени, сохраняющейся в праздниках 23 февраля, 8 марта, и, конечно, в наиболее популярных в современной России празднованиях Нового года и Дня Победы. Наконец, еще один пласт представляет собой хрупкая культура времени, репрезентированная праздниками постсоветской России (День Конституции, День России, День народного единства). В отношении дореволюционной и советской культур времени следует заметить, что, по мнению исследователей, они являли пример высокого уровня согласованности.

С одной стороны, если не считать двух Царских дней, то все праздники Российской Империи «были православными праздниками, призванными поддерживать и укреплять православие как мировоззренческую основу сохранения государства Российского. Один праздник раскрывал значение другого, и все вместе они были взаимосвязаны, давая опыт переживания событий священной истории» [22, с. 9]. С другой стороны, как показывает М. Рольф, советские праздники, имея в качестве основополагающего основания миф о революции, также обладали высоким уровнем согласованности. Еще одной чертой советских праздников, сохраняющих свое значение и сегодня, является их устойчивость. Речь идет об их способности интегрироваться в новую культурную среду, в силу универсальности полагаемых ценностей и высокого уровня адаптивности [18, с. 354]. На это же указывают и зарубежные исследователи, говоря о «беспрецедентной идеологической связности» и «значительной гибкости» советского символического метанарратива [33, с. 266].

Однако, как мы показали выше, символическое пространство и время праздника является только внешним аспектом понимания его как системного явления. Не менее важен и внутренний аспект, где все составляющие элементы праздника, его символическая и ритуальная стороны, образуют определенное единство. Поясним, что символическая сторона праздника представляет собой как те смыслы, которые государство вкладывает в праздник, так и те, которые доминируют в сознании общества в процессе его отмечания. В этой связи рассмотрим подробнее взаимосвязь данных элементов на примере трех государственных праздников: Дня Победы, Дня России и Дня народного единства (включая контекст праздника Октябрьской революции).

Большинство современных российских исследователей сходятся во мнении о центральном значении Дня Победы для всей праздничной культуры современной России [1–3, 12, 16, 19–21]. Несмотря на то, что данный праздник пришел в новую Россию из советского календаря, в силу целого ряда причин следует говорить о высоком уровне его системности, где символическая и ритуальная стороны не противоречат друг другу, и где государственные и общественные смыслы оказываются согласованными. При этом символическая сторона праздника со стороны вкладываемых в него государственных смыслов практически не претерпела существенных изменений. Её стержневой идеей является Победа Советского Союза и гордость за военные и трудовые подвиги советских людей в годы войны. Встречные смыслы, вкладываемые населением, во многом соответствуют этой позиции. Только в последние годы Левада-центр констатирует некоторое снижение доли респондентов, связывающих День Победы с чувством «радости в связи с тем, что наша страна одержала победу в Великой войне», а также рост числа ответов в категории «Скорбь по поводу миллионов погибших в этой войне». Между тем, наш анализ Интернет-пространства коммеморации Дня Победы показал, что в отличие от массовых опросов оно демонстрирует тенденцию девальвации исторических смыслов и уход в партикулярные версии исторической памяти (семья, локальная группа), а также поляризацию массового исторического сознания. Мы установили: «Отмечена известная избирательность, резкость оценок; доминирование советских идеологических клише; взаимосвязь обсуждения с современными внешне- и внутривнутриполитическими проблемами; актуализация семейной памяти, а также использование темы Победы в ВОВ в качестве площадки для критики действующей власти. И вместе с тем тема Победы остается в интернет-среде и массовом историческом сознании как один из важнейших символов патриотизма, семейной исторической идентичности» [23, с. 130].

Существенным дополнением советских ритуалов праздника стали широко распространенные акции «Георгиевская ленточка» и «Бессмертный полк», ставшие своеобразными инициативами «снизу» и очень быстро подхваченные официальными органами власти.

Несмотря на то, что День России (до 2002 г. – День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации) изначально создавался как абсолютно новый праздник, призванный стать основой для постсоветского демократического нарратива, отношение к нему

со стороны населения в 1990-е гг. было достаточно настроженным. Принципиальная проблема заключалась в непонимании населением самого символического смысла события. Ключевая проблема состояла в том, что праздник указывал на независимость России от СССР, правопреемницей которой при этом являлась именно демократическая Россия. Однако и после переименования праздника в более нейтральный День России, население еще несколько лет по инерции называло его Днем независимости. Только с 2014 года, как показывают данные Левада-центра, начинается возрастание числа респондентов, правильно называющих данный праздник. Согласно данным исследований ВЦИОМ, еще несколько лет назад 72 % россиян рассматривали данный праздник как выходной день, а 20 % вообще полагали, что Россия больше потеряла, чем приобрела в ходе разрушения Советского государства [21, с. 23]. Эта тенденция отчетливо проявилась во время исследования праздничной культуры Санкт-Петербурга, где интересующий нас праздник как значимое мероприятие оценили только представители возрастной группы 50–59 лет, обладающие начальным профессиональным и средним специальным образованием, квалифицированные рабочие, горожане с доходами на уровне прожиточного минимума.

Значительно интереснее другой вывод исследования: «склонны считать празднование Дня России незначимым мужчины, обладатели высшего образования, государственные служащие и работники административных структур, специалисты с высшим образованием в непроектной сфере, горожане, чей доход более чем трехкратно превышает прожиточный минимум, и отказавшиеся отвечать на вопрос о доходах, относящие себя к среднему слою, жители» [19, с. 40]. Безусловно, ответы респондентов Санкт-Петербурга не могут репрезентировать всю страну. Однако Санкт-Петербург является вторым городом России и ее «культурной столицей», крупным научным центром. В этой связи ответы петербургских респондентов хорошо демонстрируют достаточно нейтральное отношение представителей государственной власти к символической стороне Дня России. При бедности или абстрактности вкладываемых в День России смыслов наблюдается экспансия знакомой россиянам по Дню Победы риторики о защите своих домов от врагов, а среди мероприятий оказывается, например, парад колясок с военной символикой², реконструкция операции Берлинского штурма³ или открытие военно-патриотического лагеря «Ратники Отечества. Бородино – 2018».⁴ Не спасает положение ритуальная сторона праздника, включающая в себя праздничные концерты и мероприятия в городах России и в столице, мероприятия в музеях-заповедниках «Царицыно» и «Коломенское». Несмотря на то, что Президент Российской Федерации в этот день вручает Государственные премии, событие освещается СМИ только в день праздника и быстро уходит из эфира. Интересной практикой последних лет стало параллельное празднование в День России дней городов. Однако речь идет только о 15 городах, причем ритуальная сторона региональных коммемораций тоже в большей мере отсылает к пониманию данного праздника как «всеобщего выходного дня».

Несколько иная ситуация сложилась вокруг празднования Дня народного единства (4 ноября). Как известно, данный праздник появился в 2004, поставив точку на официальном статусе 7 ноября, который в своем названии с 2001 года пытался соединять разнородные смыслы (годовщина Октябрьской революции и день согласия и примирения). Стремление российской политической элиты и значительной части общества максимально абстрагироваться от той совокупности социальных практик, которые условно можно назвать «советскими», вызвала к жизни естественное обращение к Российской Империи не только как к объекту утраченных возможностей, но и как к источнику разнообразных политических и культурных практик. Казалось бы в данном случае мы обнаруживаем достаточно устойчивые смыслы, вкладываемые государством в символиче-

² На День города в Тамбове: патриотическое шествие, парад военных колясок и Лайма Вайкуле // URL: <http://lifetambov.ru/kultura/3099-na-den-goroda-v-tambove-patrioticheskoe-shestvie,-parad-voennyix-kolyasok-i-lajma-vajkule.html>

³ 120 реконструкторов показали в Тамбове фрагмент Берлинского штурма // URL: <https://www.onlinetambov.ru/news/society/120-rekonstruktorov-pokazali-v-tambove-fragment-berlinskogo-shturma/>

⁴ Участникам, организаторам и гостям военно-патриотического лагеря «Ратники Отечества. Бородино – 2018» // URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/57721>

скую сторону праздника: 1) стремление символически перекодировать другую дату, выпадающую на начало ноября (7 ноября, День Октябрьской революции); 2) расширить символический ряд исторических позитивных событий, который в позднесоветском дискурсе постепенно свелся исключительно к победе в Великой Отечественной войне; 3) использовать наиболее простой и, в краткосрочном периоде, эффективный вариант консолидации общества по отношению к внешнему врагу, которым на тот момент выступила Польша [26, с. 67].

После 2014 года символическое значение данного праздника для государства несколько меняется: патриотический поворот обусловил необходимость использования всех возможных символических ресурсов для консолидации населения. Идея единения народа против смуты, борьбы с иноземцами, посягающими на основы русской культуры и государственности, хорошо подходила для этой цели. Однако уже и до этого, в 2012, президент В.В. Путин в своей программной статье «Россия: национальный вопрос» связал 4 ноября с рождением «российской гражданской нации». В политических условиях второй половины 2014 года 4 ноября из конкурента 7 ноября должен был превратиться в актуальный праздник, который вносит вклад в повышение социальной сплоченности. В 2017 году День народного единства проходил под девизом «Россия объединяет», что более соответствовало современным потребностям, чем коммеморация событий 1612 года. Последнее смысловое значение особенно проявилось в контексте стремления власти дистанцироваться от празднования 100-летней годовщины Октябрьской революции в 2017 [17].

По сравнению с Днем России, реакция массового исторического сознания в отношении Дня народного единства выглядит оптимистичнее. Мы уже отмечали, что за последние годы не только выросла доля респондентов, узнающих данный праздник, но и увеличилось число тех, кто «испытывают особые чувства в этот день» (36 %) [26, с. 67]. На эти же выводы указывают результаты всероссийского социально-психологического исследования, которое проводилось Институтом психологии РАН с 2007 по 2015 гг. Анализ субъективного опыта переживания праздника за представленный период позволил исследователям говорить о позитивной динамике.

Ключевой проблемой по-прежнему остается интерпретация праздника как «очередного выходного» и близость даты 7 ноября, накладывающая тень на новый государственный праздник [22, с. 12]. Существенной проблемой праздника также является наличие в нем нескольких скрытых тенденций трансформации, связанных с интерпретацией праздника различными общественными акторами, что создает риски для официального смысла события. Как мы уже говорили, один из них связан с религиозной стороной праздника, что позволяет Русской Православной Церкви использовать праздник как символический ресурс для укрепления своего положения в обществе и государстве [26, с. 68]. Ещё один риск связан с ростом влияния правых националистических сил, стремящихся использовать праздник для проведения «Русского марша». Двусмысленность восприятия населением праздника сохраняется и в отношении идеи многонациональности российского народа, что визуализируется представлением национальных костюмов, кухни, традиций и обычаев. При всей привлекательности данной идеи, «акцентируется именно «инаковость», а не разнообразие народов как граждан России» [26, с. 69].

Ритуальная сторона праздника по сравнению с Днем России выглядит более оптимистичной. Привычные демонстрации и официальные речи политиков дополняются религиозными шествиями, а также выставками национальных культур [34]. Вместе с тем и здесь наблюдается уже упоминавшаяся экспансия ритуалов Дня Победы. Как и День Победы, День народного единства «знаменует преданность нашего народа своей стране, родной земле», а нерасторжимость такой связи, ответственность за Отечество «всегда служили основой для независимости и суверенитета России, а патриотизм и любовь к Отчизне столетиями скрепляли нашу многонациональную страну». ⁵ Описание торжественного шествия в День народного единства (4 ноября) в ленте

⁵ Владимир Путин принял участие в торжествах по случаю Дня народного единства // Путин сегодня // URL: <http://www.putin-today.ru/archives/6601> (Дата обращения: 14.12.2017).

новостей легко перепутать с парадом 9 мая: «...в городе-герое Севастополе праздник начался с церемонии возложения венков к Вечному огню. На улицах с утра шествия и гулянья в сопровождении военных оркестров. Горожане несли флаги и транспаранты, а молодежь скандировала патриотические лозунги». ⁶ Георгиевская ленточка – главный современный символ Дня Победы – проносится участниками демонстрации Дня народного единства. ⁷

Заключение

Можно констатировать, что само понятие «сеть», используемое по отношению к праздникам, предполагает два основных аспекта. Во-первых, внутренней сетевой структурой обладает каждый праздник по отдельности, представляя собой динамично изменяющийся результат консенсуса между различными политическими и общественными акторами [35]. Достижение подобного консенсуса в определенный исторический момент дает возможность возникнуть памятной дате, но далее подключается диахронический аспект – и у праздника появляется собственная жизнь, появляется ритуальная составляющая, которая вписывается в повседневное бытие граждан, становясь элементом этого самого бытия. Во-вторых, сеть создается из отдельных праздников, и вот здесь возникает существенная проблема, поскольку внутренняя целостность каждой памятной даты по отдельности тяжело конвертируется в общую системность мемориальной культуры и государственной политики памяти [36].

День Победы, как памятная дата, возникает в конкретной исторической ситуации середины 60-х гг., становясь способом переключения общественного сознания на позитивный опыт советского прошлого, но также и выступая важной отсылкой к персональной биографии Л.И. Брежнева. Но траектория существования этого праздника оказывается намного сложнее той евклидовой прямой, которая представляется при поверхностном взгляде, останавливающимся лишь на внешних проявлениях и игнорирующим их различную символическую природу. Его актуализация в середине 90-х гг. становится проявлением коллективного ресентимента как результата проигрыша в «холодной войне» и закрепляется в результате травматизации краха «советской империи» в государственной политике памяти начала 2000-х гг. [37]. Вместе с тем символическая исчерпанность советских мемориальных практик активизирует поиск новых форм выражения «позитивного прошлого», в качестве которых и начинают выступать такие феномены, как «Георгиевская ленточка» и «Бессмертный полк». Не следует забывать и о том, что абсолютная ценность Дня Победы в качестве основного символического капитала делает эту памятную дату и объектом конкуренции со стороны политических акторов. Так, своеобразной стратегией символического присвоения Великой Отечественной войны и ее коммеморативных выражений становится деятельность Русской Православной Церкви по конструированию собственных культурных практик, например, участие в коллективном молебне для участников парада на Красной площади 9 мая.

День России остается символически незаполненной клеткой государственного календаря в силу своего несоответствия актуальной политической повестке. Он является рудиментарным наследием тех самых 90-х гг., которые подверглись негативной стигматизации как в политической риторике начала XXI века, так и в общественном сознании, травмированном экономическими катаклизмами и социальными неурядицами постсоветской действительности.

Парадокс этого праздника в том, что он задумывался для принципиально иного символического контекста, но продолжил существовать в изменившемся коммеморативном ландшафте, воспринимаясь, в большей степени, не как точка отсчета новой России, а как скорбь по утра-

⁶ «Мы едины!» — 85 тысяч в Москве и сотни тысяч по всей России // URL: <http://www.ridus.ru/news/203338> (Дата обращения: 14.12.2017).

⁷ 15 тысяч ульяновцев приняли участие в шествии, посвященном Дню национального единства // URL: <https://ulpressa.ru/2015/11/04/15-tyisyach-ulyanovtsev-prinyali-uchastie-v-shestvii-posvyashhennom-dnyu-narodnogo-edinstva/> (Дата обращения: 16.12.2017).

ченному прошлому. В рамках современной конфигурации политических акторов эта памятная дата остается уделом лишь либеральных партий, но даже для них существенным «минусом» является отсутствие практик или символических действий, напрямую связанных с Днем России. В этом смысле День России – яркий пример того, как памятная дата, призванная увековечить определенное историческое событие, утрачивает свое символическое «означаемое», превращаясь во внеочередной выходной [38].

День народного единства демонстрирует еще одну специфическую тенденцию символического пространства России: слабую рефлексию по поводу последствий того или иного символического жеста. Возникнув в контексте обострения политических отношений России и Польши, а также в качестве противовеса годовщине Октябрьской революции, этот праздник с самого начала оказался в достаточно маргинализированном состоянии, а неразработанность символического наполнения и ритуальных элементов привели к его присвоению различными политическими акторами, прежде всего, националистического толка. Ключевая проблема Дня народного единства заключается в его слабом соотношении с теми мемориальными координатами, которые структурируют коллективное сознание современных россиян. При всей разрозненности и плюралистичности траекторий культурной памяти отсылки к Смутному времени практически отсутствуют в актуальном слое российской мемориальной культуры, что позволяет придавать этому празднику весьма произвольные значения [39].

В символическом ландшафте современной России эти праздники занимают диаметрально противоположное значение: наряду с абсолютизированной значимостью Дня Победы сосуществует День народного единства с «плавающей» идентичностью и практически полностью деперсонализированный День России. Но самое парадоксальное свойство этой конструкции заключается в том, что представить себе гражданина России, который готов видеть в каждом из этих праздников нечто большее, кроме еще одного выходного дня, практически невозможно.

В чем причина такой рассогласованности? По сравнению с советской мемориальной системой авторы формулируют следующие проблемы формирования государственного календаря памятных дат в современной России:

1. Трансформация символического значения памятных дат в контексте изменяющихся взаимоотношений политических акторов. Важной чертой символической культуры является преемственность, разумеется, не как статичность символических элементов, а как сознательные усилия по вписыванию уже сложившихся мемориальных образов в новые социально-политические и культурные контексты. Можно констатировать недостаточность усилий государственной власти именно по прописыванию символических «связок», что нередко приводит к парадоксальным ситуациям, когда под патронажем Министерства культуры вешается памятная табличка маршалу К. Маннергейму, а Государственная прокуратура возбуждает уголовное дело по поводу жертв советско-финской войны.

2. Ситуативность возникновения праздников в качестве элементов государственной политики памяти. Данная проблема в большей степени демонстрирует системный сбой в российской мемориальной политике, которая направлена на конфронтацию с внешнеполитическими акторами, использующими в качестве мишеней уязвимые места отечественной истории. Будучи относительно эффективным в каждом конкретном случае, этот прием порождает рискованные последствия относительно комплексного устройства символического пространства, поскольку вынуждает вписывать новые «места памяти» в имеющийся ландшафт, что приводит к низкой степени согласованности различных памятных дат друг с другом.

3. Непроработанность праксиологических оснований памятных дат. Данный аспект выглядит, на первый взгляд, техническим, но на самом деле представляет собой одну из важнейших проблем для российской символической политики. Любой символ не может существовать лишь в сознании носителей, он нуждается в конкретизации путем создания географически локали-

зованных памятных мест, что также подразумевает создание и развитие соответствующей туристической инфраструктуры, но также он должен соотноситься с уже имеющимися культурными практиками. Как показывает опыт символической политики последних десятилетий, наибольшим потенциалом обладают те символы, которые создают «эффект узнавания», поскольку перекодируют уже имеющиеся практики, придавая им новое значение.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ефремова В.Н.** Государственные праздники как инструменты символической политики: возможности теоретического описания // Символическая политика: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 66–80.
2. **Юдин Н.Л.** Социальный смысл праздника. М.: Независимый институт гражданского общества, 2006. 154 с.
3. **Крылова В.Н.** Проблемы и перспективы современной российской праздничной культуры // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4-1. С. 43–47.
4. **Артюшкина В.В.** Праздничная культура как способ социальной консолидации // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2018. № 2 (26). С. 116–126.
5. National days: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by McCrone D. and McPherson G. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2009. 288 p.
6. **White R.** National days and the national past in Australia // Australian Cultural History. 2003. No. 23. Pp. 55–72.
7. **Adamczyk A.** On Thanksgiving and collective memory: Constructing the American tradition // J. of Historical Sociology. 2002. No. 15(3). Pp. 343–365.
8. **Blehr B.** Sacred Unity, Sacred Similarity: Norwegian Constitution Day Parades // Ethnology. 1999. No. 38. Pp. 175–189.
9. **Gal A.** National Days, national identity, and collective memory: Exploring the impact of Holocaust Day in Israel // Political Psychology. 2019. Vol. 40. Issue 6. Pp. 1391–1406.
10. **Björkdahl A., Kappler S.** The creation of transnational memory spaces: Professionalization and commercialization // Internat. J. of Politics, Culture & Society. 2019. Vol. 32. Issue 4. Pp. 383–401.
11. **Sumartojo S.** Commemorative atmospheres: memorial sites, collective events and the experience of national identity // Transactions of the Institute of British Geographers. 2016. No. 41. Pp. 541–553.
12. **Coopmans M., Jaspers E., Lubbers M.** National day participation among immigrants in the Netherlands: the role of familiarity with commemorating and celebrating // J. of Ethnic and Migration Studies. 2016. Vol. 42. No. 12. Pp. 1925–1940.
13. **Schall C.E.** Multicultural iteration: Swedish National Day as multiculturalism-in-practice // Nations and Nationalism. 2014. No. 20 (2). Pp. 355–375.
14. **Dimitrovski D., Senić V., Marić D., Marinković V.** Commemorative events at destination memorials – a dark (heritage) tourism context // Internat. J. of Heritage Studies. 2017. Vol. 23. Issue 8. Pp. 695–708.
15. **Greenspan E.** Spontaneous memorials, museums, and public history: Memorialization of September 11, 2001 at the Pentagon // The Public Historian. 2003. Vol. 25. No. 2. Pp. 129–132.
16. От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М.: ВЦИОМ, 2007. 224 с.
17. **Малинова О.Ю.** Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 9–25. // URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
18. **Рольф М.** Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
19. **Попова О.В.** Политика идентичности: отношение петербуржцев к праздничным мероприятиям в городе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017 (4). С. 37–48.
20. **Крюкова О.С.** Праздники России в концептосфере национальной идентичности // Россия: тенденции и перспективы развития. М.: ИНИОН РАН, 2016. Вып. 11. С. 508–510.
21. **Шаповалов С.Н.** Формирование государственных праздников современной России // Общество: Социология, Психология, Педагогика. 2013. № 3. С. 20–26.

22. **Воловикова М.И., Борисова А.М.** Психологические предпосылки принятия личностью нового государственного праздника // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2. С. 6–13.
23. **Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А.** Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 123–133.
24. **Linčenko A., Anikin D.** Bad revolution, good tradition: Russia's parties and the October Revolution // Osteuropa: Zeitschrift fuer Gegenwartsfragen des Ostens. 2017. Vol. 67. No. 6-8. Pp. 371–382.
25. **Мерзлякова И.Л., Линченко А.А., Овчинникова Э.В.** Об историческом сознании современной студенческой молодежи // Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 89–96.
26. **Головашина О.В., Аникин Д.А.** Неожиданные издержки Победы: 4 ноября в контексте политики памяти и массового исторического сознания // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 66–73. DOI: 10.17223/15617793/429/8
27. **Бурдые П.** О символической власти // Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
28. **Бахтин М.М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 541 с.
29. **Васильев А.Г.** Политика памяти: российский опыт в свете теоретико-методологической рефлексии // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 14 (136). С. 59–68.
30. **Лотман Ю.М., Успенский Б.А.** Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. Тарту, 1977. С. 3–36.
31. **Fabian J.** Time and the Other. How anthropology makes its object. N.Y., 2002.
32. **Бевернаж Б.** Аллохронизм, равенство во времени и современность. Критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 174–202.
33. **Gill G.** Symbols and legitimacy in Soviet politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 356 p.
34. **Transforming national holidays: Identity discourse in the West and South Slavic countries, 1985–2010.** Amsterdam: John Benjamins, 2013. 314 p.
35. **Olick J.K.** Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case // The Politics of Regret: on Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge. 2007. Pp. 85–118.
36. **Аникин Д.А.** Исторический миф как предмет “memory studies”: в поисках методологии исследования // Электронный научно-образовательный журнал “История”. 2018. № 6.
37. **Сыров В.Н.** К вопросу о моральной составляющей исторической культуры // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2019. № 58. С. 117–124. DOI: 10.17223/19988613/58/17
38. **Репина Л.П.** Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.
39. **Линченко А.А.** Праксиологическое понимание ценностей исторического сознания // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 64–71. DOI: 10.17223/15617793/440/9

Статья поступила в редакцию 19.04.2020.

REFERENCES

- [1] **V.N. Yefremova,** Gosudarstvennyye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti teoreticheskogo opisaniya [Public holidays as instruments of symbolic politics: possibilities of theoretical description]. Symbolic politics: collection of scientific articles. Moscow: INION RAS, 2014. Pp. 66–80.
- [2] **N.L. Yudin,** Gosudarstvennyye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti teoreticheskogo opisaniya [The social meaning of the holiday]. Moscow: Independent Institute of Civil Society, 2006. 154 p.

- [3] **V.N. Krylova**, Problemy i perspektivy sovremennoy rossiyskoy prazdnichnoy kultury [Problems and prospects of modern Russian holiday culture]. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 4-1 (2015) 43–47.
- [4] **V.V. Artyushkina**, Prazdnichnaya kultura kak sposob sotsialnoy konsolidatsii [Holiday culture as a way of social consolidation]. *Humanitarian Bulletin of TSPU named after L.N. Tolstoy*. 2 (26) (2018) 116–126.
- [5] National days: constructing and mobilizing national identity. Ed. by McCrone D. and McPherson G. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2009. 288 p.
- [6] **R. White**, National days and the national past in Australia. *Australian Cultural History*. 23 (2003) 55–72.
- [7] **A. Adamczyk**, On Thanksgiving and collective memory: Constructing the American tradition. *Journal of Historical Sociology*. 15(3) (2002) 343–365.
- [8] **B. Blehr**, Sacred Unity, Sacred Similarity: Norwegian Constitution Day Parades. *Ethnology*. 1999. No. 38. Pp. 175–189.
- [9] **A. Gal**, National Days, national identity, and collective memory: Exploring the impact of Holocaust Day in Israel. *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. Issue 6. Pp. 1391–1406.
- [10] **A. Björkdahl, S. Kappler**, The creation of transnational memory spaces: Professionalization and commercialization. *International Journal of Politics, Culture & Society*. 2019. Vol. 32. Issue 4. Pp. 383–401.
- [11] **S. Sumartojo**, Commemorative atmospheres: memorial sites, collective events and the experience of national identity. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2016. No. 41. Pp. 541–553.
- [12] **M. Coopmans, E. Jaspers, M. Lubbers**, National day participation among immigrants in the Netherlands: the role of familiarity with commemorating and celebrating. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 42. No. 12. Pp. 1925–1940.
- [13] **C.E. Schall**, Multicultural iteration: Swedish National Day as multiculturalism-in-practice. *Nations and Nationalism*. 2014. No. 20 (2). Pp. 355–375.
- [14] **D. Dimitrovski, V. Senić, D. Marić, V. Marinković**, Commemorative events at destination memorials – a dark (heritage) tourism context. *International Journal of Heritage Studies*. 2017. Vol. 23. Issue 8. Pp. 695–708.
- [15] **E. Greenspan**, Spontaneous memorials, museums, and public history: Memorialization of September 11, 2001 at the Pentagon. *The Public Historian*. 2003. Vol. 25. No. 2. Pp. 129–132.
- [16] Ot Yeltsina do Putina: tri epokhi v istoricheskom soznanii rossiyan [From Yeltsin to Putin: three eras in the historical consciousness of Russians]. M.: VTsIOM, 2007. 224 p.
- [17] **O.Yu. Malinova**, Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v RF: analiz strategiy klyuchevykh mnemonicheskikh aktorov [Commemoration of the centenary of the revolution (s) of 1917 in the Russian Federation: analysis of strategies of key mnemonic actors]. *Polis. Policy research*. 2018. No. 1. Pp. 9–25. Available: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
- [18] **M. Rolf**, Sovetskiye massovyye prazdniki [Soviet mass holidays]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 440 p.
- [19] **O.V. Popova**, Politika identichnosti: otnosheniye peterburzhtsev k prazdnichnym meropriyatiyam v gorode [Identity policy: the attitude of Petersburgers to festive events in the city]. *Political Expertise: POLITEX*. 2017. No. 4. Pp. 37–48.
- [20] **O.S. Kryukova**, Prazdniki Rossii v kontseptosfere natsionalnoy identichnosti [Russian holidays in the conceptual sphere of national identity]. *Russia: trends and development prospects*. Moscow: INION RAS, 2016. Vol. 11. Pp. 508–510.
- [21] **S.N. Shapovalov**, Formirovaniye gosudarstvennykh prazdnikov sovremennoy Rossii [The formation of public holidays in modern Russia]. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2013. No. 3. Pp. 20–26.
- [22] **M.I. Volovikova, A.M. Borisova**, Psikhologicheskiye predposylki prinyatiya lichnostyu novogo gosudarstvennogo prazdnika [Psychological prerequisites for a person to accept a new state holiday]. *Applied Legal Psychology*. 2016. No. 2. Pp. 6–13.
- [23] **O.V. Golovashina, A.A. Linchenko, D.A. Anikin**, Pamyat o Velikoy Otechestvennoy voyne: Den Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan [The memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the historical consciousness of Russians]. *Sociological studies*. 2017. No. 3 (395). Pp. 123–133.
- [24] **A. Linčenko, D. Anikin**, Bad revolution, good tradition: Russia's parties and the October Revolution. *Osteuropa: Zeitschrift fuer Gegenwartsfragen des Ostens*. 2017. Vol. 67. No. 6-8. Pp. 371–382.

- [25] **I.L. Merzlyakova, A.A. Linchenko, E.V. Ovchinnikova**, Ob istoricheskom soznanii sovremennoy studencheskoy molodezhi [On the historical consciousness of modern student youth]. Sociological studies. 2014. No. 12 (368). Pp. 89–96.
- [26] **O.V. Golovashina, D.A. Anikin**, Neozhidannyye izderzhki Pobedy: 4 noyabrya v kontekste politiki pamyati i massovogo istoricheskogo soznaniya [Unexpected costs of the Victory: November 4 in the context of the politics of memory and mass historical consciousness]. Tomsk State University Bulletin. 2018. No. 429. Pp. 66–73. DOI: 10.17223/15617793/429/8
- [27] **P. Bourdieu**, O simvolicheskoy vlasti [About Symbolic Power]. Sociology of Social Space. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia Publ., 2007. Pp. 87–96.
- [28] **M.M. Bakhtin**, Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovya i Rennansansa [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozh. lit. Publ., 1990. 541 p.
- [29] **A.G. Vasiliev**, Politika pamyati: rossiyskiy opyt v svete teoretiko-metodologicheskoy refleksii [Politics of memory: Russian experience in the light of theoretical and methodological reflection]. Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism. 2014. No.14 (136). Pp. 59–68.
- [30] **Yu.M. Lotman, B.A. Uspensky**, Rol dualnykh modeley v dinamike russkoy kultury [The role of dual models in the dynamics of Russian culture]. Transactions in Russian and Slavic Philology. XXVIII: Literary criticism. On the 50th anniversary of Professor Boris Fedorovich Egorov. Tartu, 1977. Pp. 3–36.
- [31] **J. Fabian**, Time and the Other. How anthropology makes its object. N.Y., 2002.
- [32] **B. Beverness**, Allokhronizm, ravenstvo vo vremeni i sovremennost. Kritika proyekta radikalnoy sovremennosti Yokhannesa Fabiana i dovody v polzu novoy politiki vremeni [Allochronism, equality in time and modernity. Criticism of the project of radical modernity by Johannes Fabian and the arguments in favor of the new politics of the time]. Sociology of power. 2016. Vol. 28. No. 2. Pp. 174–202.
- [33] **G. Gill**, Symbols and legitimacy in Soviet politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 356 p.
- [34] Transforming national holidays: Identity discourse in the West and South Slavic countries, 1985–2010. Eds L. Šarić, K. Gammelgaard, K. Hauge. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 314 p.
- [35] **J.K. Olick**, Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. The Politics of Regret: on Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge. 2007. Pp. 85–118.
- [36] **D.A. Anikin**, Istoricheskiy mif kak predmet “memory studies”: v poiskakh metodologii issledovaniya [Historical myth as a subject of “memory studies”: in search of a methodology of research]. Electronic scientific and educational journal “History”. 2018. No. 6.
- [37] **V.N. Syrov**, K voprosu o moralnoy sostavlyayushchey istoricheskoy kultury [To the question of the moral component of historical culture]. Journal of the Tomsk State University. History series. 2019. No. 58. Pp. 117–124. DOI: 10.17223/19988613/58/17)
- [38] **L.P. Repina**, Istoricheskaya pamyat i natsionalnaya identichnost: podkhody i metody issledovaniya [Historical Memory and National Identity: Approaches and Methods of Research]. Dialog so vremenem. 2016. No. 54. Pp. 9–15.
- [39] **A.A. Linchenko**, Praksiologicheskoye ponimaniye tsennostey istoricheskogo soznaniya [Praksiological understanding of the values of historical consciousness]. Journal of the Tomsk State University. 2019. No. 440. Pp. 64–71. DOI: 10.17223/15617793/440/9)

Received 19.04.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Аникин Даниил Александрович
Anikin Daniil A.
E-mail: dandee@list.ru

Линченко Андрей Александрович
Linchenko Andrey A.
E-mail: linchenko1@mail.ru